

Александр Ясинский

Церемониймейстер

ХОЛОКОСТА

Сотворение Мира :
Предыстория "Эсхатологии" и "Имя Мерзости"

Александр Ясинский

Церемониймейстер холокоста

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Ясинский А. С.

Церемониймейстер холокоста / А. С. Ясинский — «ЛитРес:
Самиздат», 2007

Сотворение мироздания: предыстория "Имя мерзости" и "Эсхатология". Это было в безвремье, когда миры ещё покоились в теплом лоне Вселенной и созерцали сны. О событиях, людях и богах, несуществующих вещах и понятиях; обо всем том, что только предстояло родиться вместе с ними и пойдет наш рассказ.

Пролог

На севере не было ничего определенного.

И на юге не было ничего определенного.

И на западе было ничто.

На востоке же был Океан, гордящийся своим первородством, не укрощенный, спесивый, бурлящий.

А посередине высился Замок, воздвигнутый как отправная точка, чтобы отмечать еще не существовавшие стороны света, скреплять и наращивать.

Постепенно в ничто зарождалась жизнь. Она делилась, кишела и булькала в первозданном бульоне, заполняла, эволюционировала, приспосабливалась, изменялась, принимая порой странные формы. Со стен Замка можно было наблюдать, как в сумерках и туманах бродят неведомые существа, тени теней, безымянные... Интуитивно, подталкиваемые проблесками еле теплящегося сознания, они собирались в первобытные общины. Мигрируя, они вышли в светлые области. Но и там не нашлось для них места.

Печальной безгласной волной они протекли мимо дышащих полной грудью стен Замка, чтобы бесследно затеряться в истории. Несовершенные, неприспособленные, непонятые... Какие мысли трепыхались в вакууме безнадежности, какие чувства, сознавали ли свою ошибочность, ненужность, эти промежуточные звенья на пути развития, во что бы развились тупиковые ветви, будь у них шанс – об этом мы никогда не узнаем.

Затем появились те, кто гнал их. Нестройными, многоликими ордами они затопили равнину, недавно созданные, мокрой сверкая глиной. « Дайте же нам души!», – был единый вопль искаженных слюнявых глоток, когда, карабкаясь, друг по другу, они полезли на стены, ощущая исходящую от Замка благодать и стабильность, обещание стать целостными. Но были отвергнуты.

Отступив, они рассеялись вокруг и влачили жалкое существование на границах света, формируясь.

Когда ж вновь пошли они на приступ, то несли уже грубые орудия и приспособления, помогающие карабкаться на высоту, укрываться, руководимы и сплочены, а, следовательно, более целеустремленны и озлоблены.

1

Он пригнулся, когда камень величиной с кулак, пущенный одним из нападавших, просвистел над ухом и разбился о внутреннюю стену, осыпав осколками незащищенный броней затылок. В проеме бойницы возникло аморфное, лишенное каких-либо определенных черт, творение. Оно раскрыло щель в центре головы и нанесло хлесткий удар гибким длинным языком.

Сбитый с ног, он кубарем откатился на несколько шагов назад. Но его место тут же поспешил занять другой защитник, в зеркальном плаще поверх симметричных доспехов. Точным рассчитанным ударом он отсек втягивавшийся язык, лезвие выбило сноп искр из камня, когда вторым ударом развалилась надвое голова твари. Та лишь присела, а затем начала проворно выползать на стену. Смутившись, страж невольно отступил на шаг, а потом, зарывав, подпрыгнул и разрубил всю тварь целиком. Столкнув корчившиеся половинки вниз, страж обернулся, и Ксор узнал его.

Когда всем вещам давали имена, некоторые получили сразу по два. То были стражи. С момента создания страж носил имя Генеш.

Страж махнул хвостом, так что с обоюдоострого лезвия на его конце разлетелись остатки вражеской плоти.

– Послушай, что я придумал, – невозмутимо сказал Генеш, помогая Ксору подняться.

– Что это? – спросил, выслушав, изумленно Ксор. – Я никогда раньше не слышал ничего подобного!

– Я назову это *поэзией*. Строфы, ласкательные для слуха, легко запоминающиеся и созвучные меж собой, – и Генеш отвернулся, чтобы встретить нового противника.

Ксор оглядел свои природные доспехи. В их серебристых структурах была запечатлена сама гармония и золотые пропорции Замка, но поврежденная ударом грудная пластина вносила диссонанс, уже сейчас Ксор ощущал, как фальшивят, пробегая через поврежденный участок, исходящие от недр Замка флюиды. Энергия наполняла все его тело, заставляя вибрировать каждый мускул, и через загнутые рога устремлялась, ввысь сливаясь с пылающим небесным котлом. Алое зарево разгоняло тьму, несло свет сознания новорожденному миру.

Меж тем на стену спикировал крылан, неуклюже растопырив еще неокрепшие крылья, не удержав равновесия, сверзился вниз. Один из стражей неподалеку вдруг зашатался, словно опьяненный свежим соком *непу* и упал. Ксор поспешил заступить на пост и успел отразить атаку клювоголового гиганта. С распоротой когтями грудью тот рухнул, увлекая карабкающихся следом.

Ксор воспользовался паузой, чтобы склониться над упавшим, который продолжал лежать без движения, уставившись широко раскрытыми глазами в стремительно вращающееся небо. Но страж, казалось, не слышал окликающего его голоса, и не реагировал на прикосновения. Меж вспененных кружев воротника его доспех торчала плохо обструганная палочка, из-под которой обильно сочилась огненная кровь. Не зная, что предпринять, Ксор в замешательстве вернулся к бою.

Ему удалось еще дважды столкнуть деревянные конструкции нападающих, прежде чем в поле зрения не попался шар с множеством губ, катясь по полю, он пожирал все на своем пути: живых, павших, растительность, орудия, постоянно раздуваясь.

Внезапно обзор заслонил шест, увешанный шкурами и развевающимися полосками кожи, и вот уже высокое худощавое существо проворно влезло на стену. Было оно белесо, с видневшимися сквозь покровы линиями артерий, смутными скоплениями угадывались органы. Ксор замахнулся когтистой пятерней и существо попыталось заслониться шестом, но страшные лезвия опустились, разрубив и шест, и голову, застряв в груди существа. Механически оттолкнув труп в сторону, Ксор приготовился встретиться со следующим. Обнаженный воин, сжимавший по дубинке в каждой руке, бешено завертел оружием, делая шаг вперед. Напал он молча, ибо вместо лица у него была привязана обструганная деревянная дощечка с намалянным углем рожей. Ксору поразило то, что художник намеренно попытался придать лику *их* черты.

Яростно атакуя, безликий стал стремительно теснить уставшего Ксору, тот едва успевал увертываться от каскада сыплющихся ударов, предплечья ныли всякий раз, когда приходилось парировать удар дубины, великолепные пластины из хризолита гнулись, меж тем за спиной нападающего появлялись все новые враги, и, вопя, растекались по периметру.

Испытывал ли Ксор отчаянье, ужас? Нет. Эмоции сии не были познаны избранными. Скорее волнение, что выполнение долга находится под угрозой.

Меж тем, на внутренней башне показалась приземистая упитанная фигурка мастера Бертхера. В волнении хлеща себя по поросшим бурым мехом ляжкам длинным тонким хвостом, лишенным устрашающих лезвий, мастер торопил своих медлительных помощников, втягивающих странного вида конструкции. Когда каждая была размещена на указанном месте, причем мастер бегал и суетился, проверяя устойчивость, то, копаясь внутри, по сигналу помощники произвели некие манипуляции, после чего раздался низкий хлопающий звук,

наполнивший воздух роем выпущенных стрел. Многие прошли мимо, но еще больше вонзилось в наступающего противника. Одна конструкция тут же вышла из строя, зато другие продолжали исправно наводить опустошение. Основная масса атакующих оказалась зажата в мертвой зоне, меж стеной с одной стороны и обстреливаемой местностью с другой, где образовалась свалка. Но, казалось, враги не понимали происхождения падающей с неба смерти, либо руководствовались другими, непонятными Ксору мотивами, ибо долго еще подходящие резервы пробовали прорваться к маячащейся цели, будучи безжалостно истребляемы.

А сражение продолжалось.

Когда вывалившиеся из распоротого живота безликого пали наземь, Ксор получил с десятков мелких ран и в конец обессилел. Поддерживавший огонь прекратился, запас стрел кончился, стражи с внутренних укреплений уныло смотрели вниз на немногих еще державшихся на внешних рубежах защитников.

Залитый кровью, в разрубленных черных доспехах, неся огромный двуручный меч, с насаженной на него головой стража, навстречу Ксору двигался крепко сбитый воин, переступая через утыканные стрелами, зияющие ранами трупы, и грива волос металась по ветру.

– Смотри, враг! – воскликнул воин. – Демоны тоже смертны! Злая природа создала тела, но утаила души, впрочем, вам не понять жестокосердные. Теперь вы познаете горечь разлуки, мы напоим вас тьмой, а души ваши присвоим себе! Я ненавижу вас! Попробуй-ка остановить человека, идущего за справедливостью!

– *Человека?* Что это значит? – прокричал в ответ Ксор.

– Да, мы будем ими! Я ощущаю себя почти законченным!

С лязгом скрестились зазубренные когти и железное лезвие, прервав дискуссию.

– Тебе не страшно? – прохрипел в лицо Ксору воин, обжигая горячим дыханием безумия. – Что ты знаешь о забвении, что произойдет с тобой, когда мой меч проникнет в тебя, тебе хотелось бы познать небытие?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – отвечал Ксор отскакивая. – Но хотел бы.

– Так смирись! – удар в брызги искр.

– Мы – стражи, в этом наша суть! – и когти Ксора распороли горло противника, выйдя из затылка.

– Можно разбить сосуд, но содержимое останется неповрежденным, поэтому вам никогда не остановить мы будем пытаться снова и снова... Пока не добьемся своего... – прохрипел воин, роняя оружие.

Добивая, Ксор ударил вновь, располозовав грудь, из раны выпал драгоценный камень и разбился в пыль, хватаясь за Ксору, воин сполз, распластавшись среди сотен других павших.

А битва утихла захлебнувшись, обескровленные потерями, нападавшие отступили, не преследуемые, не в ужасе, а мрачно и гордо, унося поражение, зализывая раны, в них они не нашли ничего нового, кроме привычного страдания.

– Что это? – спрашивал Ксор, бредя шатаясь. – Что печет меня изнутри, что за чувство?! – Он засунул палец в одну из сочащихся ран и возопил, – *Это мука, это боль!*

Сияние разлилось по телу поверженного стража. Оно поднималось изнутри, как бы силясь освободиться, и вдруг, вырвавшись, ослепительным лучом ударило в багровое небо и поплыло прочь. В сгустившихся сумерках воссияла первая в этом мире звезда. За ней в разных частях небосвода вспыхивали новые огни, светильники которым отныне суждено безмолвно взирать на ночную землю.

2

В Замке был пир.

Учась новым эмоциям, перенимая и осваивая понятия, они отдыхали.

В камине развели черный огонь, весело трещащий и испускавший серные испарения, над ним повесили жариться на вертеле освежеванную тушу гигантской жабы. Низкорослые подмастерья, толкаясь и попискивая, крутили вертел, в то время как главный повар внимательно следил за процессом, срезая ломтики готового мяса, которое незамедлительно подавалось на обеденные столы.

Душа Замка – чье имя Тайна – возлежала на троне, вырезанном в виде гексаграммы в едином куске пиропа, в прозрачной глубине которого плавали планеты и системы, уже существующие, а может, те, которым только надлежало быть. Она имела лик красный и прекрасный, изящную шею, полные чувственные груди, дарующие жизнь всему живому внутри Замка, осиную талию, срастающуюся с ложем – троном. Левая рука ее, черная и ссохшаяся – служила для наказаний, правая – золотая с длинными тонкими ногтями, ей она награждает и дарит ласку. Сейчас левая рука находится в футляре, перевитом лозой плюща – ползунка, в знак того, что Владычествующая Мать довольна своими чадами и благоволит им.

– Я создала вас, – начал голос, и шум моментально стих, – и охранять доверила животворящий Замок, имеющий так же целью связывать куски земной породы в единое целое. Вы – имеющие имена, смысл, души, призвания, а те, рожденные легкомысленными стихиями – бессмысленны. Они лишь удобрения, навоз на ниве будущего царствия. А посему не должно быть смятения в ваших отважных каменных сердцах. Говорите, что тревожит вас.

С места поднялся Вом, чей спиной гребень был как секира, направленная на врагов Матери.

– Владычица, много необъяснимого увидели мы эти дни. И души товарищей наших переместились в запредельные сферы. Мы чувствуем их живое присутствие, что земле скормлено было только взятое ранее, но вместе с тем они недоступны нам. Мы осмелились дать этому состоянию имя *смерть*.

– Что ж, вы выбрали подходящее название, и я одобряю его. Но оно как все скверное и злое было придумано не вами, а ждущими у врат Замка. Сонмы животных тварей алчут заполучить душу. В страстях они растерзают и уничтожат все живое, сакральное. Так что, отбросьте прочь тени сомнения – вы нужны Мне. С окраин востока наступает Океан, он гонит живущих там. Дух непокорности, ропщущий и имеющий свой взгляд на вещи, обитает в его пучине. В одном из будущих сокрыта ужасная битва, когда я созерцаю грядущее, перетекающее меж моими пальцами. Слушайте, что говорит имеющая смысл и свободный выбор! Те, что пришли, расселились, рая землю и примитивные свои воздвигая городища, многочисленны и опасны. Они изобретательны и коварны, изготавливая все новые орудия и измышляя все новые способы. И, как бы не скорбно было это признать, у них тоже есть своя, извращенная цель, она так же спланирует и направляет. Сие плохо, противоестественно и губительно. Я предвижу ядовитые грибы до небес, произрастающие из корней соперничества. Отправная точка для насилия – зависть, месть замыкает круг. А посему, – Великая Мать возвысила голос, – я решила не чинить препятствий Океану, но содействовать. Волны, что однажды омоют стены этого Замка, поглотят суету и упокоят честолюбивые замыслы. А теперь – ешьте, пейте и веселитесь, ибо вы – избранная чистая раса, вы – столпы этого мира, вы превыше суеты и метаний.

Ксор задумчиво пережевывал жесткий кусок, пытаюсь осмыслить удовольствия от поглощения жареной дохлятины. К нему склонился неунывающий Генеш.

– Тебе доводилось слышать звуки, что порой доносятся из становищ тварей?

Ксор мрачно склонил рогатую голову, его мысли сейчас были заняты другим.

– Заметил, что они организованы и подчиняются определенным правилам? *Ритми*. Да, именно так я бы назвал это. Что если совместить их со стихами, по-моему, получится нечто забавное?

– А тебе не кажется, что им вообще ведомо много большее, они гораздо опытнее, осведомленнее нас? Что нам известно о них? Мы на шаг позади в познании вещей и вынуждены

по большей части только перенимать уже существующие понятия, чтоб объяснить открытия. А это остервенение, с каким они стремятся завладеть тем, что нам дано с рождения, что принимаем как должное, а может, даже недооцениваем.

– Куда ты клонишь?

– Впрочем, скоро можно будет забыть обо всем и дальше прибывать в блаженном неведении, – самозабвенно продолжал Ксор. – Ведь скоро придет Океан и поглотит их, сотрет малейшие воспоминания о тех неизвестных, загадочных... Какие знания, тайны нам нельзя, запрещено узнавать? В чем их истинная суть? Так ли эти животные бессмысленны?

– Ты выговорился, я не перебивал, теперь ответь, чего ты хочешь?

– Я должен узнать, что должно быть предано забвению, иначе не будет мне покоя, неудовлетворенность, сродни не выполненному долгу будет грызть меня изнутри, и я не знаю, к чему это приведет. Не знаю... не нахожу слов.

Ксор говорил свободно, не таясь, по-другому быть и не могло, хотя его мысли могли показаться крамолой, ставящей под сомнения сами незыблемые основы существования, но ни предательство, ни интриги не были известны тогда. Генеш и сам чувствовал зуд познания, но никогда не заходил так далеко в своих умозаключениях.

– Что до меня, – подал голос Лаа Кам, шевеля в воздухе многочисленными гибкими щупальцами. Записыватель Происходящего сидел напротив Ксора, – Я подметил, что дальнейшее пребывание снаружи скоро станет вообще невозможным ввиду зловония, имеющего место происхождения из-за великого множества все еще разлагающихся тел. Я так же заметил, как нечто копошится и шевелится там, где жизни давно уж быть не может. Я наблюдал, как это нападает на осмелившихся приблизиться. Кроме того, животные смастерили огромные луки, и хоть их стрелы не в силах причинить вред Замку, но желающих прогуляться без особой нужды под алыми небесами скоро не останется вовсе.

– Все это только заставляет меня укрепиться в своем мнении, – чуть слышно пробормотал Ксор.

Он потянулся к подносу и зачерпнул полную пригоршню червей *непу*, обитающих в подвалах Замка, сдавил их в кулаке. Густой синий сок пьянящей струйкой потек в подставленный подмастерьем кубок. Ксор отбросил прочь влажную лепешку и проделал процедуру дважды, прежде чем бокал оказался полон. Выполнив свой долг, служка обнажил длинные оранжевые крысиные зубы и, чихнув, удалился, волоча по плитам чешуйчатый хвост.

Периодически пригубляя напиток, Ксор размышлял, в пол уха прислушиваясь к тихому бормотанию фруктов в вазах, которому вторила мебель:

– В начале было царствие, и это царствие было Тьмой. Затем родился Хаос и живущие в Нем. О, как сладко являться чьими-то мыслями, облеченными в материю. Служить, дарить удобства.

Поздно вечером Ксор добрался до своей камеры. Первое, что бросилось в глаза – заботливо доставленные кем-то рукотворные доспехи, грудой ссыпанные в углу. Великая Мать, хоть и презирала животных, однако вынуждена была перенимать нечестивые изобретения, заботясь о сохранении жизней своих излюбленных чад, хотя сама она никогда в этом не призналась бы.

Не испытывая интереса, Ксор опустил решетку и завалился на узкое ложе. Червь *непу* лениво полз по потолку, направляясь по одному ему ведомым делам. Один кирпич в стене перешептывался с соседом:

– Вообрази себе, что среди будущих развалин еще не построенного городища найдена корона, глупый символ власти, возлагаемый на голову. Украсивший ей чело свое обречен, безумный смех, скрытый в короне завладеет им, и отверзет его уста, и будет гнездиться в разумах окружающих. Он призовет загадочных зверей из других реальностей, и хоть сила его уменьшена потерей главного камня в обрамлении, много еще случится, прежде чем дух,

заклученный в короне умиловивлен будет. Вот, что я придумал и попытаюсь воплотить когда-нибудь в жизнь.

А Ксор спал. Одежло напоззло на его разметаившееся во сне тело, испытывая наслаждение от дарения уюта, а узоры на нем все продолжали разыгрывать одни и те же запечатленные сцены.

3

Далеко-далеко над бурой поверхностью земли – два летящих конуса. Выпустив тонкий отросток, один извлекает из себя сферу, другой – куб, куда и помещается сфера.

Теперь он, кружась, висит в воздухе, легкое дыхание проникает сквозь поры в розовой поверхности. Меж тем растение под ним в ходе сложного эволюционного процесса становится хищником и тупо заглатывает потенциальную добычу.

Постепенно оно обзавелось воздушными корнями и выпученными глазами на стебельках. В поисках пищи оно неспешно кочует по бескрайним просторам, пока цикл не заканчивается и оно не оседает на богатой, тучной почве. Разрастаясь, оно исполняется прекрасной формы, но тут средняя часть его ствола лопається, чтобы выпустить на свободу так и не переваренный куб. Сейчас он имеет хрупкие паучьи лапки, превосходящие в высоту само растение. Пошатываясь, куб уходит прочь, а растение погибает, напоследок выпустив облачко спор, которым не суждено прорасти.

Куб выворачивается наизнанку, становясь бледно-розовым кристаллическим существом на четырех ногах. Природа нарекает ее Ланью, хрупкой, тем самым, давая импульс появлению отличительных половых признаков. С любопытством и присущей новорожденному наивностью она пытается постичь окружающий мир.

В закопченной мастерской Бертхера стучат молотки, вращаются сверла и подмастерья раздувают меха, поддерживая пламя в горне. Огонь приручен, забыл строптивость и трудится вместе со всеми. На наковальне зарождается чья-то судьба.

Глубоко в космосе живет смерть Утренней Звезды; «топ-топ» – слышится за пределами мира мягкое касание подушечек лап.

4

Они вновь наступали.

Серо-коричневые шеренги, одетые в шкуры, толкали перед собой сбитые из досок массивные щиты на колесах. По пояс в атакующих вышагивали кряжистые, защищенные хитиновыми панцирями самопалы. Стрелы отскакивали от них, вытянутые морды изрыгали направленные струи едкого фиолетового пламени, заставляющего стекать расплавленными ручейками бойницы Замка. Животные выглядели куда более сплоченными и организованными, наступление сопровождалось размеренным рокотом барабанов, задающих темп. Вследствие дальнейшего развития военной мысли вожди руководили теперь битвой издали. Ксор так же заметил хорошо вооруженные элитные части, ожидающие своего часа на дальних рубежах.

Машины Бертхера теперь бесполезны. Самопалы, выдвинувшись вперед, поливают стены смертоносной кислотой, вынуждая не желающих стореть заживо защитников искать спасение во внутренних помещениях Замка. Сопротивления нет, лишь жалкие попытки, и вот уже враг на внешних стенах.

Стражи познают панику, позор либо смерть. В главных покоях у трона мольбы, но нет им ответа, ни жеста, лишь мысль пронзает Замок, заставляя вибрировать каждый камешек, сотрясается почва, словно под землей пробудившись от спячки, ворочается хтонический зверь.

Когда все вокруг начало рушиться, Ксор и еще группа защитников внезапно провалилась в образовавшуюся сдвигом почвы каверну. Грохот сотряс чрево Замка, и земля, восстав, попыталась скинуть все нагроможденное над ней, кругом оползни, обвалы, погубившие одних и заточившие других в каменном мешке в глубине новообразовавшейся горы. Попавшие в ловушку со смешанным чувством отчаянья и ужаса прислушивались к затихающему дыханию пород. Неизвестно сколько провели они времени, ощупывая стены и лица друг друга, они определили размеры каменного мешка и количество выживших, как вдруг потревоженные катаклизмом из какой-то щели начали выбираться странные фосфоресцирующие твари.

Плесень и влага и смрад нечистот конденсировались в размазанные ватные фигуры, чьим домом стали земляные норы, чей язык не слышен уху, чьи пути никогда не пересекутся с обитателями поверхности, ибо свет губителен для них. Они легко проходили сквозь толкающихся в панике пленников подземелья, но даже после того как они втянулись в едва заметное отверстие, кожа продолжала сохранять ощущение холода и гадливости.

Решимость, вызванная безысходностью и граничащая с истерией, раздвинула осыпающиеся породы, создала лаз, ведущий неведомо куда, ибо все-таки не было единства в выборе направления. Расширяя проход, им удалось выкопаться на склоне горы. Изнеможенные, израненные и грязные они стояли плотной группой, созерцая открывшуюся картину разрушений. Чадящий, местами разрушенный, местами осевший, но по-прежнему не покоренный Замок, теперь возвышался высоко на острие горного пика, там, где в ослепительном, после вынужденного заточения, красном сиянии зарождались белые туманные стуски, не имеющие пока названия. У его подножья среди бьющих гейзеров бродили деморализованные толпы нападавших, разыскивая раненых и подбирая утерянное оружие.

– Вот он, шанс! – сказал Ксор.

– Да, – подхватил Бертхер. – Пока им не до нас нужно поднялся к Великой Матери, нет предела ее мощи!

– Идите, – отвечал Ксор. – Я остаюсь, так я решил, мне многое необходимо осмыслить, дабы обрести покой.

– Что ты такое говоришь?! – воскликнули все. – Подумай о последствиях, что ежели раз покинув благословенные своды Замка, ты не сможешь больше никогда вернуться под гостеприимный кров?

– Пускай. Как бы то ни было, мы и так его покинули, мы первые, хоть и невольно сделавшие это, еще неизвестно примет ли обратно Душа Замка. Лучше раз решиться, чем вечность мучаться сомнениями.

– Мне не понятен сам характер твоих сомнений, – тихо промолвил Бертхер.

– Отважиться ль кто еще, променять клочок огороженного пространства на целый мир за его пределами?

– Этот путь бессмыслен, ибо направлен вопреки воле, привнесшей тебя в этот мир! Я скорее буду биться с тобой, как с опасным агрессивным животным, чем позволю уйти, нет *предать* Великую Мать! – вскричал один из стражей, выхватывая из перевязи пару длинных алмазных кинжала.

– О! Кто же из нас более низок, а Ца Хош, или правильнее будет сказать Поднявший Руку На Себе Подобного?

Стражи смутились и стояли в молчании. Ксор круто развернулся. Наконец Генеш сказал:

– Я пойду с тобой...

Они начали удаляться под мрачными взглядами остальных, когда вслед раздалось:

– Погодите!

Ксор оглянулся. Бертхер смущенно протягивал сделанный из серебра и хрусталя предмет:

– Вот возьмите, я назвал это самострельным жалом, там, куда вы идете, не будет Великой Матери и вам придется полагаться только на самих себя и ... может отчасти на это. Это все, что я могу сделать, ибо отговорить не в силах. Жало поможет вам, когда придет пора умирать.

– Я не спешу умирать, – ответил Ксор. Взяв предмет, он передал его спутнику и широкими шагами направился вниз по склону, перепрыгивая через лужи застывающей магмы, Генеш, которому мешали неповоротливые доспехи, едва успевал следом, в душе он уже раскался о содеянном.

Но выбор был уже сделан.

Пепел, рассыпаясь, хрустел у них под ногами, микроскопические гранулы пытались осмыслить акт творения. Сам того, не зная, Бертхер допустил страшную ошибку, жало зажатое в руке уходящего было живое. Испытывая глубокое разочарование и обиду на отвергшего, как ему казалось, хозяина, затаило злобу.

5

Флюктуационный всплеск, и вот уже некие новые структуры вплелись в эфир. Поначалу инертные, они отдались на волю окружающей среды. Передвигаясь, рано или поздно, они оказались там, где с шумом циркулировали воздушные потоки внутри водно-белкового конгломерата, отличного от тех, в котором они росли. Уже оформившись, она делала робкие попытки осознать мир, постичь свое место в нем. Втянутая вместе с воздухом внутрь, она наблюдала скопление ячеек – клеточек, переключаясь, они обменивались, играя в унисон, и восторженно включилась в их игру. Они приняли ее ласково. Играя с ними, она поняла, что белый есть хорошо освещенный черный. Затем она решила обучить новых знакомых своей игре, и с охотой взялась за дело, радуясь успехами их. Игра та называлась распад, а имя новорожденной структуры было Чума.

Деревья стояли правильным кругом, но не это привлекло внимание Ланьи. Устремленные ввысь корни пускали слабые зеленые ростки, а стелящиеся по грунту ветви, большей частью отмершие, пытались проткнуть почву в последнем усилии добраться до питательных слоев. Природа комбинировала, ища оптимальные пути развития. Так же, как сгибающиеся под собственной тяжестью, горы, вершинами склоненные вниз, и ползающие на сотнях ножках камни, не решившие, какой образ жизни им более подходит.

Сидя на голубой траве, Лань с улыбкой наблюдала алоэ, растущее в глиняном горшке, имеющем крестообразно расположенные щупальца по аллегории со сторонами света. Доползя до зенита, ущербное солнце остановилось, неуверенно качнулось из стороны в сторону, словно не разобравшись еще в своих намереньях, застыло неподвижно и вдруг, сорвавшись, стремительно понеслось обратно.

– Как прекрасно! – вздохнула Лана.

Алоэ притягивает к себе фиалку, нежно целует и съедает, Лань поднимается, чтоб идти дальше.

– Внимание, дикие, в сторону! – оглянувшись, воскликнул Генеш, увлекая спутника в придорожные заросли.

Затаившись, они переждали медленно тащившийся прочь от Замка отряд: колонну всадников на скорпионах, у которых были удалены клешни, а жала теперь служили отважным наездникам пиками, неровными рядами пробрела потрепанная пехота, грузный самопал охранял тыл. Броня зверя раскалилась от внутреннего жара и слегка дымилась. Пока они проходили, шаркая и поднимая пыль, Генеш с Ксором вынуждены были выслушивать бесконечные разглагольствования болтливой куста, о коврике, в который вплетены галактики и на каждую ворсинку нанизаны гирлянды сообщающихся миров. Каждый раз, возвращаясь в свою камеру

в жилище знатного господина, слабоумный хромо́й привратник вытирает ноги о вселенные, вызывая в них катастрофы и пертурбации. В волнении куст раскачивал всеми органами чувств, произраставших на кончиках гибких стеблей.

С несказанным облегчением они покинули временное пристанище и, перейдя вброд хилый ручеек, пошли через рошу.

– Не понимаю, что могло заинтересовать тебя? – сказал Генеш, крутя по сторонам головой. – Пусто и скучно, ни дружеской поддержки, ни материнской опеке, ни ты никому не нужен. Тебе не кажется, что все эта твоя прихоть была большой ошибкой?

– Уже начинает казаться, – слегка разочаровано протянул Ксор. – Но вон, смотри! Кажется, я вижу опушку, а на ней поселение этих, как они себя называют, людей.

Высаженный по периметру кустарник скрывал все подробности жизни и быта селян. Настороженно они подкрались ближе и натолкнулись прямо на сигнальное дерево. К корявому толстому стволу был прибит один из диких штырями, торчавшими у него изо лба и паха. По-видимому, он провисел так довольно давно, ибо сросся с деревом и стал частью общего организма. Зоркие глаза обшаривали подступы к жилищам, а, завидев чужаков, существо разразилось пронзительным воплем.

Из караульной башне высыпало десятка полтора легковооруженных солдат. От неожиданной встречи стороны опешили, таращась друг на дружку, никто не выказывал агрессивных намерений, однако в каждую секунду мог произойти взрыв. Только животное дерево голосило и плевалось, указывая конечностями на неожиданных визитеров, пока какой-то воин в коническом шлеме и кольчуге, видимо старшой, ударом тупой стороной копья под дых не заставил того заткнуться.

– Благодарю, – сказал Ксор.

Генеш потихоньку начал пятиться, прикидывая, сколько еще потенциальных врагов может скрываться за оградой.

– Я, конечно, допускаю наличие зачатков разума у этих животных, может даже каких-то там примитивных средств общения, но ты ведь серьезно не собираешься вступать с ними в беседу? Это ведь только животные, высокоорганизованные животные, – прошипел он, косясь на Ксору.

– Однажды я уже общался с одним из них, и он не показался мне уступающим в развитие, скорее наоборот, жаль, что беседа в тот раз была прервана ненавистью.

– Ты?! – Генеш просто задохнулся от изумления.

– Мы пришли с миром, – обратился Ксор к смущенно перетаптывающейся группе. – Мы хотим знать, мы не хотим убивать.

Какое-то время царило напряженное молчание, что Ксор уже было, подумал, что переоценил коммуникативные способности диких, затем старшой, оглядев своих людей, разразился гневной тирадой, выпаленной с таким жаром, что Ксор растерялся.

– Мир? Кто бы говорил о мире, вы, не знающие чести, убивающие доблесть на расстоянии, вы, не знающие жалости, заставляющие других страдать, проклятые Хранители Источника Жизни! Но и этого мало, теперь вы вторглись на нашу территорию, какие еще жертвы должны мы принести в угоду прожорливым демонам?!

– Я не понял ни слова из этого бляенья, – сказал Генеш. – Земля едина и необъятна, никто не звал вас под стены Замка, уходите!

Глаза человека сузились, дрожащим от злобы голосом он медленно произнес:

– А попробовал бы ты пожить, неся сосущую пустоту в груди, мерзкий демон, купающийся в благодати. Ничто не сможет остановить нас, принесших твердую решимость в голове и океанскую влагу на ногах своих.

Он дернул плечом, и только теперь Ксор разглядел, что у каждого воина на левом плече восседала крохотная зверушка, летучая мышь, вполне настоящая и живая, а не деталь витие-

ватого панциря, запоздало он ощутил угрозу, и в тот же миг, их атаковала стая. Они крутились, рычали и отмахивались от мельтешащей жалящей своры, пару зверьков нашли погибель от когтей и хвостов стражей, а потом... потом Ксор ощутил внезапную слабость и головокружение, все поплыло перед глазами и стало небом, которое, закружившись, погасло.

В ушах раздавался грохот, с каким сердце натужно перекачивало кровь. Желудок подступал к горлу, пошатываясь, Ксор поднялся, держась за стенку, сделал неуверенный шаг и тут же упал на спину, ибо что-то с силой его дернуло назад за шею. Он ощупал себя, но так ничего и не понял. Когда, наконец, зрение вернулось, он обнаружил себя прикованным железной цепью к массивному браслету, заклепанному вокруг горла, другой конец цепи оканчивался вмурованным в стену кольцом. Рядом на грязной вонючей соломе скорчился Генеш, чадили факелы, они находились внутри ограды.

– Ну, что, добился своего? – прохрипел Генеш и застонал.

– Смотри-ка, ожили, яд не подействовал на них.

Ксор с усилием поднял голову. Остановившиеся на расстоянии люди, предстали неясными качающимися тенями.

– Но что, мой вождь, нам теперь делать с ними? Почему нам не добить этих тварей сразу, пока они не наслали скверну?

– Потому что! Да не уподобимся гнусным демонам, мы, цивилизованные люди, и будем судить пленников по преступлениям их и вынесем справедливый приговор. Шлите же гонцов братьям и союзникам, грядет великий день, день торжества, который изменит все, что было до сегодняшнего.

Голоса отдалились и растворились в шуме ночи.

– Сколько новых слов, понятий...

Какое-то время они собирались с силами, тихонько переговариваясь, пока огонек не высветил приближающийся лик, и дрожащий шепот не достиг их ушей.

– Эй, демоны! Вы ведь взаправду демоны?

– Чего тебе надобно, человеке? – процедил Генеш со всем возможным презрением.

– Я брошу вам ключ. Дальше действуйте сами. Но вы должны пообещать, поклясться мне на крови, демоны ведь связан узами кровной клятвы, не так ли? Мы заключим сделку. В обмен на свободу, восстаньте и отомстите за мою поруганную честь, а после навсегда покиньте поселок. Вы ведь исполните уговор?

Трудно было не уловить страх в голосе, и Ксор, не совсем понимая, чем он вызван, поспешил успокоить говорившего.

– Мы согласны. А как же стража?

– Капитан спит, утомленный вином и моими ласками, а дальше... дальше разбирайтесь сами, на то вы и демоны.

– Как это?

– Ты что, будешь расспрашивать меня до рассвета? Вот держи!

Огонек задрожал и через мгновение погас. Ксор услышал слова, которые не понял.

– Великая нечистая тьма! Куда же подевалось огниво?

– Так вон же оно, лежит у самых твоих ног! Ты что, не видишь?

– А ты *видишь*?

– Конечно.

– Хочешь сказать, что ночь для тебя не помеха, тебе без разницы?

– Я вижу ночь, и я вижу день, – холодно заметил Генеш, решив не вдаваться в подробности. – Почему ты жаждешь так помочь нам, после того, как твои соплеменники вероломно захватили нас?

Человек молчал.

– Вождь, – наконец сказал он. – Я принесла ему свою любовь, всю себя, и что? Что я получила взамен? Каково ощущать себя отвергнутой и осмеянной?

– Я не понимаю...

– Конечно! Ты же – чудовище! Скажи, тебе когда-нибудь отказывала женщина?

– Что есть женщина?

– Прекрасный объект вожделения, любви, поклонения, соперничества. Идеал. Наконец, различающийся с тобой по полу. Что за бестолковое создание! Ну, имеющий грудь как у меня, или по более и ... стой! Может, вы и не различаетесь по полу?

– А вы различны?

– Бедное чудовище, – сказала женщина. – Вы даже еще несчастнее нас, лишенных душ. Вы не созданы для любви. Вам не ведомы настоящие страсть и чувства. Вы никогда не поймете мир за вашими стенами. Даже живя рядом с Источником Благодати, мы постепенно совершенствуемся. Вы же, находитесь внутри, ежесекундно купаетесь в нем.

– Может это и есть цена совершенства? – грустно спросил Ксор.

Лицо женщины изменилось. То будет недоверием, решил про себя Ксор. Отпертые оковы грохнулись оземь, как в этот момент из сторожки, зевая и почесываясь, выбрался заспанный стражник. От неожиданности он остолбенел, потом, вскрикнув, повернулся бежать, и неловко поскользнувшись, упал. Тенью метнулся к нему Генеш и в два счета свернул бедняге шею. Перепрыгнув через тело, демон проскользнул в помещение караульной. Но было поздно – звякнул тревожно колокол, поселок глухо заворочался, просыпаясь, замелькали огни, послышался топот ног и оклики.

На пороге вновь появился Генеш, держа в руках окровавленные мечи, губы его растягивала довольная торжествующая улыбка, и он не стыдился упоения боем, тем более не скрывал. Один он протянул Ксору.

– А они по-прежнему дохнут легко, эти люди! – весело сказал он.

Ксор бросил взгляд на оружие... Диких? Людей? Грубое, бездушное, угловатая и не эстетическая вещь смерти.

– Да будет так!

Пользуясь кутерьмой и неразберихой, они благополучно миновали половину пути, двигаясь интуитивно по незнакомой местности, прежде чем столкнулись с организованным сопротивлением. Да и то, деморализованные противники дрались вяло, больше норовили прикриться друг дружкой. В оружие не было смысла.

Отбросив меч, Ксор поднял за грудки завопившего в ужасе солдата, швырнул его высоко вверх на крышу трехэтажного барака. Вопль стал еще громче, когда факел, что продолжал сжимать тот в руке, воспламенил соломенную крышу, обратив строение и человека в ревущий погребальный костер. Снопы искр взметнулись в ночи, для диких неся разрушение жилищ и гибель в постелях, суля беды и лишения. Пожар ширился, из домов выскакивали обезумевшие жители и, сталкиваясь, падали во всепожирающий огонь.

Под сводами массивного строения, поддерживаемого резными фигурами воинов, показался коренастый мужчина, сжимающий лук и посох. Этаж сверху был уже объят пламенем. Каким-то образом он разглядел виновников беспорядка и остановился, указывая на них посохом, громкогласно созывая подданных. Со стороны было заметно, в каком опасном положении он находился, однако из-за царившего шума вождь не слышал предостережений. Проклиная нерешительность воинов, вождь вытащил стрелу из запячного колчана. Вырвавшись из-за спины Ксора, женщина бросилась вперед на помощь, предупреждая крича, и ее голос так же потонул в шуме.

Вождь наотмашь ударил по щеке подскочившую к нему и натянул лук. Женщина скатилась по ступенькам с крыльца, в ту же секунду рухнувшая балка погребла под собой и вождя

и выбежавшую из внутренних покоев самку с детенышем на руках. Лежа в грязи, женщина страшно взывала и вонзила растопыренные пальцы в безучастную землю.

– А хорошо ты придумал, – сказал Генеш, когда поселок остался далеко позади за кромкой леса. – Выжечь их поганое гнездовье!

– Я только хотел дать им свет, чтобы поставить нас в равные условия, – подавленно вымолвил Ксор, не глядя на товарища.

Немного погодя он вдруг остановился и спросил:

– Слышишь?

Генеш недоуменно прислушался

– Я слышу лишь животные вопли.

– То огонь благодарит меня устами умирающих, – ответил Ксор, возобновляя путь.

Генеш пожал плечами.

6

Сухопутная Жаба с трудом продирается сквозь вязкие, серые хлопья поднимающихся от Океана испарений. В лапе у нее – сетка с икринками, другая сжимает каменный топор. Гонимая потребностью спасти потомство, она, тем не менее, понимает всю безнадежность ситуации.

А туман не хотел расставаться со своей добычей. Он протягивал холодные липкие щупальца, прочной сетью облепляя тело беглянки, и неуклонно тащил в зияющую бездну разверзнутой пасти. Она, эта пасть, исторгла волну мутной слизи, захлестнувшей Жабу целиком. Трепетно прижимая к груди сетку, Жаба бесконечно долго всплывает в тяжелой горячей жиже. Вот перед глазами распахнулась гудящая пелена, обожженное тело готово было лопнуть от внутреннего давления, и капли крови просачивались сквозь поры кожи, уносясь в глубины, где уже пробуждались от сладкой дремы проголодавшиеся обитатели, и прочь откуда так стремилась Жаба.

Судорожно загребая задними лапами, она пронеслась меж полей раскинувшихся колышущихся нитей. Оканчивающиеся выпуклыми стеклянными глазами, нити сходились к крошечным губам, под которыми едва обозначались шевелящиеся ротовые полости. Последним усилием вытолкнувшись на поверхность, Жаба хрипит и отплеивается кровавой мокротой, проникшая в гортань и желудок океанская слизь медленно разъедает плоть.

Кое-как придя в себя, Жаба беспомощно огляделась по сторонам, тщетно надеясь обнаружить хоть пядь суши. Где-то невдалеке виднелись, едва различимые сквозь ржавую пелену тумана, блуждающие контуры утесов; к ближайшему и погребла она, пустив в ход весь оставшийся еще запас сил, не щадя себя, стремясь во чтобы то не стало достичь земли, сбереечь потомство, пока в конец обваренная не опустится в жуткую пучину. Бросив всю волю на достижение поставленной задачи, она слишком поздно поняла роковую ошибку, когда из взвеси выдвинулся мощный жилистый торс колосса, рассекающий пенящиеся волны.

Сейчас ее разобьет в лепешку о непреступную гору мускулов!

С заоблачных высот, оттуда, где хмурые небеса подпирает хребет живого утеса, камнем упал канат из переплетенных меж собой толстенных колонн, увенчанных алчными рогатыми головами. Но они так и не успели пожрать ее. Возникшее сильное течение дернуло пловца вниз, потащило в расширяющуюся со страшной быстротой воронку, жадно засасывающую клочья упавшего в слизь тумана.

Не удержав, Жаба выпустила сетку – топор был давно утерян, – и та канула в клочущую воронку. Горестно растопырив лапы, Жаба погружалась туда же.

Невосприимчивые к бушующей стихии, из водоворота вынырнули тритоны, влекущие облепленные водорослями колесницы. Зеленая одутловатая плоть возниц пузырилась через

доспехи из известняка и ракушек. Лидер замахнулся каменной пикой, намереваясь пронзить Жабу.

Чернильный омут безысходности распахнулся над потерявшей детей; задыхаясь от ярости и горя, она перехватила занесенное оружие и направила вверх и обратно, вонзив в живот наездника, да так, что наконечник показался у того из спины.

Вздрогнув, он попытался достать ее клешней, но уже медленно соскальзывал в глубину, цепenea. Удерживаясь за борт колесницы, Жаба обратила перекошенный мукой и триумфом мести лик к следующему. А за ее спиной восставала гигантская рогатая тень зверя, делая только что одержанную победу ничтожной и ничего не значащей.

Земле суждено было покрыться водой.

7

Изумрудные глаза открылись в подземельях Замка, привнеся в мир свежую зелень.

Природа говорит с Ланью, тени от ее замыслов правильными линиями ложатся под ноги.

В селеньях, что вокруг Замка только что придуман обман, нынче звезд на небе станет больше.

Воздух напоен холодным дыханием чистоты и новизны, и Ксор сидит на бревне, раздумывая, какие побуждения руководили Душой, чертя острием меча по песку.

– Какая удача! Похоже, кроме стен, как у демонов, у нас теперь будет и живой талисман, символ преемственности их могущества, – эти слова, бесцеремонно сломавшие хрупкую тишину, принадлежат крепкому широкоплечему дикарю в короткой кожаной юбке с перевязью и с тесаком в каждой руке.

Ксор молча смотрит на него.

– Теперь канганцы будут первые среди племен, – продолжает дикарь осмелев. – Оставайся где находишься, нас много, не к чему сопротивление, о крепкочешуйчатый. Ты будешь окружен почтением, какое не одному чудовищу и не снилось, у тебя будет еды и жен, сколько пожелаешь! Слышишь меня? Теперь отбрось меч и ...

За спиной дикаря показался Генеш, бесшумно подкравшись, он перерезал тому горло. Слова на губах варвара превратились в кровавые пузыри, он заваливается на бок. Генеш вытер меч о листву.

– Сколько от них шума, – ворчит он. – Бегают, суетятся, вместо того, чтобы предаться созерцанию. Какой беспокойный и настырный вид! Только Душа Замка, единственная имеющая созидание в дыхании своем, в их же – содержится лишь смрад разрушения и зависти, не только для нас, но и для всего живого.

– Да, но в чем же смысл такого противоречия? – заметил Ксор. – Сколько их было?

– Пятеро, считая заколотого ими же гонца, и еще один остался у костра, – равнодушно бросил Генеш, продолжая занятие. – Но это поправимо.

– Обещай не причинять ему вреда, – поспешно сказал Ксор.

– Наоборот. Нужно их всех перебить. Да и зачем он тебе, разве унижение плена тебя ничему так и не научило?

– Они так уверены в себе, и в каком-то предназначении свыше. И этот яд заразителен. У меня такое чувство, что возвышение не спасет Замок.

Генеш нахмурился:

– Это безумие сомневаться в незыблемости мироздания, в творце. Я уже жалею, что последовал за своим товарищем.

Ксор вздохнул:

– Прости, я не собирался обидеть твоих чувств. Пошли отсюда!

Когда они уходят, становится видно начертанное Ксором. Это рисунок, изображающий будущий Иероглиф Возмездия, впрочем, пока смысл его никому невдомек.

На разлитую в траве кровь садится насекомое. Осторожно хоботком оно пробует жидкость. Вкус ее приятен.

Генеш показывает дорогу, так они выходят к ручью, созданному позднее и посему не имеющему ничего общего с Океаном. На бережку сидит бородатый варвар, приделывая новую тетиву к луку, подле на костре варится котелок с похлебкой. Поглощенный своим занятием, он не сразу замечает чужаков.

– Объясни мне, знаток, – обращается Генеш к Ксору, – что привлекает их в огне? В этом дыме, слепящем глаза, загрязняющем небо и сбивающем дыхание. В этом жаре, что готов пожрать все и вся, а не найдя пищу поедает самого себя, затухая. В этих углях, во что обращаются произведения нерукотворной красоты и искусственные поделки.

При звуках голоса варвар подскочил, ошалело озираясь, схватился за нож, и замер полупригнувшись, весь напрягшийся, хищно сощурившись.

– Я помню, как встали на пути Огненной Эпохе, которая осталась нереализованной. Нынешний огонь не тот, послушнее и покорнее, родившись, он дает себя убить. Но раньше все было не так.

– Да, я знаю, – говорит варвар хриплым от испуга и напряжения голосом. – Что чудовища, стоящие у дверей блаженства боролись с огнем и, победив, сбросили его ослабленный людям. Но он свободолюбив, как и мы, в душе он остался не покоренным и лишь только затаился, и тогда мы заключили союз. Пришедшие из мглы и Великий Податель тепла, света, защиты и надежды. Так что берегитесь, Хранители Душ! Вы могучи, но вас все-таки можно убить, вы мудры, но не ведаете сострадания, мы учимся, а вы невежественны. Мы терпеливы, наш час придет, – воин ухмыльнулся и расстегнул куртку, обнажив заросшую густым волосом грудь, и высушенную кисть, висящую как медальон, на бечевке. Конец страданиям близок, возвышение не спасет Замок!

– Я вижу только болезненную тягу к хвастовству, – заметил Генеш, извлекая из-за спины меч, с которого все еще капала кровь. – Прикончим его, как и тех, остальных!

Варвар уставился на меч, его лицо исказилось страшной догадкой...

– Помни, что я сказал! – только и успел крикнуть Ксор, сообразив, что сейчас произойдет.

Генеш послал Ксору улыбку, которую легко можно было принять за оскал, шагнул в сторону и ударил рукоятью в висок прыгнувшего варвара. Отпихнув ногой нож, Ксор присел рядом с упавшим на корточки.

– Ну и зачем ты напал, мы же ничего тебе не сделали? – недоуменно спросил он.

– Убийцы! – простонал контуженный.

– При чем тут те?

– Ты не поймешь, монстр!

– Вот поэтому, я сохраняю тебе жизнь. Пока. Если будешь честно отвечать на вопросы, не предпринимая агрессивных действий. Я хочу понять. Много. Ты согласен?

– А что у меня есть выбор?

– Есть.

– Хорошо, – губы варвара сжались в тонкую прямую линию. – Я...согласен.

8

Пальцы ее твердо сжимали руль, когда, лавируя меж торчащих из воды ошпаренных кусков плоти, она прокладывала путь через враждебную стихию. Киль парусника режет вязкую поверхность, оставляя глубокий след, и та постепенно срастается за кормой, заживляя рану.

Иногда в воде появляются ротовые отверстия, разговаривающие с Саламандрой, но та уже привыкла не обращать на них никакого внимания. Неотступно она движется вперед, где по ее представлениям лежат истоки Океана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.